

Нистрянэ Екатерина Андреевна,
студентка магистратуры, направление подготовки
«Новейшая литература в междисциплинарном контексте»,
научный руководитель – Матвеева Ирина Ивановна,
канд. филол. наук, доцент,
ГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
г. Москва, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ В СТИХОТВОРЕНИИ А. БАШЛАЧЕВА «ВАНЮША»

Статья посвящена исследованию стихотворения А. Башлачева «Ванюша». Автор анализирует его с позиций синтеза искусств, выделяет характерную музыкальную форму, по принципам которой построено произведение, описывает приемы соединения текста и музыки, расшифровывает наиболее значимые образы.

Ключевые слова: интермедиальность, интертекстуальность, метатекст, поэзия, библейские мотивы, колокольчик.

Ekaterina A. Nistryanu,
Master's student,
major «Contemporary literature in an interdisciplinary context»,
Scientific adviser – Irina I. Matveeva,
PhD in philological sciences, associate professor,
SBEI HE MCU,
Moscow, Russia

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF INTERMEDIALITY IN THE POEM BY A. BASHLACHEV «VANYUSHA»

The article is devoted to the study of A. Bashlachev's poem «Vanyusha». The author analyzes it from the standpoint of the synthesis of arts, identifies the characteristic musical form, according to the principles of which the work is built, describes the methods of combining text and music, interprets the most significant images.

Keywords: intermediality, intertextuality, metatext, poetry, biblical motives, bluebell.

Александр Башлачев – уникальное явление российской рок-культуры. Творчество поэта-барда интермедиально, так как находится на стыке двух культур – словесной и музыкально-песенной. Как справедливо отмечает К.М. Балашов-Ескин, стих – изначально интермедиальная структура, он «соединяет в себе <...> два элемента: музыкальный и пластический – звук и слово». Стих только тогда совершенен, «когда обе стихии равномерно в нем сливаются и ни одна не уступает другой своего преимущества» [1, с. 282]. Это в полной мере относится к творчеству А. Башлачева и дополняется музыкальным рядом. Его поэтический мир соединяет «принципиально разные модели художественного мышления, находящиеся в то же время в едином поле развития культуры» [1, с. 282].

В целом поэзия Башлачева представляет собой своеобразную исповедь русской души, не случайно в его песнях прослеживаются фольклорные мотивы и образы. В то же время в них чувствуется дыхание времени, энергия рока. Неоднозначность творчества поэта вызывает интерес современных литературоведов, искусствоведов, философов. Среди них можно выделить несколько имен: В. Лосев, А. Троицкий, А. Николаев, И. Иванов, С. Свиридов, С. Курий. Но ни один из исследователей не рассмотрел творчество барда сквозь призму интермедиальности. Цель настоящей статьи – выявить некоторые структурные взаимосвязи в стихотворении «Ванюша», обуславливающие своеобразный метаязык поэта-барда.

Прежде всего отметим, что термин «интермедиальность» в настоящее время не имеет окончательного наполнения, т. к. находится на стадии формирования. Так, О. Ханзен-Леве, который одним из первых ввел данный термин, понимал «интермедиальность» как взаимосвязь между разными видами искусств [9, с. 42]. Философ И.П. Ильин дал определение «интермедиальности» в широком и узком смысле. В широком – это формирование единого полихудожественного пространства в системе художественного метаязыка культуры. В узком – тип внутритекстовых связей в художественном произведении, в котором происходит взаимопроникновение различных видов

искусств.

Э.В. Седых считает интермедиальность особым типом «структурных взаимосвязей внутри художественного произведения, основанных на взаимодействии языков различных видов искусства в системе единого художественного целого» [6, с. 210], т. е. как «наличие в художественном тексте таких образных структур, которые передают информацию о другом виде искусства. В настоящей статье под интермедиальностью мы будем подразумевать синтез искусств, т. е. взаимодействие поэзии, музыки, музыкального сопровождения и вокала.

Вслед за Ханзе-Леве, Е.П. Шиньевым [10], Н.В. Тишуниной [8] и И. Раевски [5] исследователь Н.В. Исагулов выделяет три вида интермедиальности:

- конвенциональный – взаимодействие художественных кодов разных видов искусств в произведении;
- нормативный – разработка одного сюжета различными медиа;
- референциальный – описание в одном виде искусства формы и содержания другого вида искусства [3, с. 25].

На наш взгляд, стихотворение «Ванюша» можно отнести к *конвенциональному* виду интермедиальности. По И. Раевски, данный вид обозначает как *взаимообмен* между разными видами искусства или «медиаобмен». В случае с Башлачевым это взаимопроникновение, слияние литературного произведения с музыкальным.

Рассмотрим стихотворение «Ванюша» детально.

Текст стихов традиционно для бардовской и рок-поэзии положен на музыку. Однако объем текста превышает привычный песенный в несколько раз. В стихотворении просматривается сюжет трагической гибели поэта-романтика с больной мятущейся душой.

Центральное место в стихотворении занимает лирический герой. Ванюша – собирательный образ русского человека, совокупность различных характеристик и противоположных качеств в одном человеке. Подобно

лесковским героям, Ванюша способен высоко вознестись душой («и колокольчик был выше храма»), принести себя в жертву («и над обрывом раскинул руки / то ли для объятия / то ли для распятия»), но также и впасть в грех:

Шальное сердце руби в крошку!

Рассыпь гармошка!

Скользи, дорожка! <...>

Душа гуляет. Заносит тело.

Но даже в загуле Ванюша не забывает о своем высоком предназначении. В самый драматический час своей жизни, перед смертью, он вспоминает чистую мелодию колокольчика. Несмотря на трагическую развязку, башлачевский Ванюша обретает бессмертие благодаря истинной душевной чистоте, стремлению оставить после себя музыку.

Смерть Ванюши прочитывается в библейском ключе как мотив жертвы: чтобы душа была спасена, тело должно умереть. Жест Ванюши, раскинувшего руки над обрывом «то ли для объятия, то ли для распятия», напоминает образ Иисуса Христа и готовит к трагической развязке. Библейские реминисценции связаны также с оппозицией чистой святой души (бестелесной, небесной) и грешного тела (земное и смертное начало), а также с мотивом чуда.

На наш взгляд, наиболее репрезентативен в произведении мотив колокольчика — сквозной в творчестве Башлачева. Данный мотив связан с темой творчества, предназначения человека:

душа гуляла

в рубашке белой

да в чистом поле

все прямо-прямо,

и колокольчик

был выше храма.

В стихотворении колокольчик напоминает о высоком, о творческом предназначении поэта, которое важнее грешной земной жизни. Башлачев скромнен в своих притязаниях. Подобно многим русским поэтам, он мечтал оставить в поэзии след. Однако он не говорил о нерукотворном памятнике,

Мировой Душе, зове небес и «божьей дудке», свое творчество он сравнил с маленьким звонким колокольчиком – неким напоминанием о больших церковных колоколах. Но колокольчик Башлачева «выше храма», его звук разносится над русскими полями «звонкой песней». Так, с помощью образа колокольчика Башлачев сумел выразить свое творческое кредо.

Текст произведения удачно дополняет музыкальный ряд. С его помощью слушатель получает ту эмоцию, которая необходима для понимания идейного содержания произведения. По музыкально-литературной классификации С.П. Шера «Ванюшу» можно отнести к группе «музыкальная литература», подраздел «структурная музыкальная «техника», когда характерные черты композиции музыкальных жанров (рондо, соната, полифония, симфония) переносятся на структуру литературного произведения» [7]. Так, в тексте стихотворения присутствует трехчастная музыкальная форма.

Благодаря своеобразному аккомпанементу и вокализации *в первой части* возникает имитация перебора гуслей и былинного напева, уносящего слушателей в глубинную Русь: «Как ходил Ванюша бережком вдоль синей речки...». Музыкальная стилизация, русское имя героя (Ванюша), постоянные эпитеты («синяя речка», «чистое поле», «золотая уздечка») – все это словно переносит героя в древний сказочный мир, с его чистотой и определенностью фольклорных образов, что способствует положительной характеристике героя.

Во *второй части* нарастает доля драматизма. От *piano* первой части Башлачев переходит к *forte*, таким образом демонстрируя движение Ванюши от детской чистоты и непосредственности к грязи и лжи современной жизни.

В середине второй части ритм неожиданно меняется, возникает частушечный наигрыш, который, с одной стороны, подчеркивает тему разгула, пьяной пляски, с другой – обращает к нравственным проблемам современности. Усиливается сатирическое начало, автор направляет критические стрелы на современное ему общество. Частушки – это переключка голосов тех людей в кабаке, которые внушают Ванюше «житейские» истины. Каждый голос – свидетельство духовного падения человека. И хотя тексты частушек наполнены

критическим содержанием, в совокупности с образом автора, его манерой исполнения они не рожают смеха. Очевидно, мы имеем здесь дело с неклассической сатирой, «основанной на базе экзистенциальной философии и принципах диалогизма и синтетизма» [4, с. 110], цель которой обнажить субъективное начало, соединить трагическое и смешное, «приземленное будничное и возвышенное» [4, с. 99], заставить читателя и слушателя задуматься о смысле произведения.

Третья часть является рефреном первой части, который прослеживается и в тексте, и в музыке. Переключка тем закольцовывает композицию, придавая произведению целостность.

Таким образом, стихотворение «Ванюша» построено на синтезе искусств (поэзия, музыка, вокал). Через интермедиаальный подход, музыкальную трехчастную форму и диалог со слушателем автор выражает свое трагическое мировосприятие, говорит о предназначении поэта и поэзии, о хрупкости и ранимости души художника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов-Ескин К.М. «Под мелодии ладоней – пятиструнных музыкальных инструментов!» Музыка стиха: композиционная схема книги В.А. Сосноры «12 сов» [Текст, контекст, интертекст] // Сб. науч. ст. по мат-лам Межд. науч. конф. «XV Виноградовские чтения» (Москва, 3-5 марта 2018 г.): в 3 т. – М.: ООО «Книгодел», 2019. – Т. 2. – С. 282–289.
2. Исагулов Н.В. Интермедиаальность в литературе: к определению понятия // Мат-ли Всеукраїнської наук. студент. конф. «Зіставневивчення германських та романських мов і літератур». – Донецьк: ДонНУ, 2011. – Т. 1. – С. 115–117.
3. Кулькина В.М. Проблема становления и формирования концепта интермедиаальности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2018. – № 1. – С. 24–25.
4. Матвеева И.И. Неклассическая сатира 1920-х – начала 1930-х годов // Русская литература и культура в полиэтнической среде и междисциплинарном контексте современного образования: Избр. лекции для магистрантов. Кн. 1. – М.: МГПУ, 2016. – С. 93–113.

5. Раевски И.О. Интермедиальность, интертекстуальность и ремедиация: литературный взгляд на интермедиальность // *Intermédialités: Histoire et théorie des arts, des lettres et des techniques* = *Intermediality: History and theory of the arts, literature and technologies*. – Montreal, 2005. – № 6. – P. 43–64.
6. Седых Э.В. К проблеме интермедиальности // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. – 2008. – № 3 – С. 210–213.
7. Ситникова А.А. Смыслообразующая функция песни в структуре литературного текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://konf.x-pdf.ru/18filologiya/325709-3-smisloobrazuyuschaya-funkciya-pesni-strukture-literaturnogo-teksta.php> (дата обращения: 15.09.2019).
8. Тишунина Н.В. Интермедиальность: к определению границ понятия // Тезисы I Междунар. конференции «Литература в системе искусств: методология междисциплинарных исследований» (23–25 марта 2000 г.). – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – С. 16–18.
9. Хаминова А.А. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки / А.А. Хаминова, Н.Н. Зильберман // *Вестник Томского государственного университета*. – 2014. – № 389. – С. 38–45.
10. Шиньев Е.П. Концепция интертекстуальности в современном гуманитарном знании (культурологический аспект) // *Известия ПГПУ. Сектор молодых ученых*. – 2007. – № 3 (7) – С. 183–187.